

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Чем черт
не шутит*

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Дурацкая история

«Научная книга»

Серова М. С.

Дурацкая история / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Прокуратура города расследует убийство двух местных порнозвезд и известного криминального авторитета. В квартирах жертв хранились оружие и наркотики. Внезапно «сверху» приходит распоряжение прекратить расследование. Есть показания свидетелей, что около дома одной из убитых девушек видели местного бизнесмена, бывшего гэбиста, и ФСБ не желает трогать «своего». Сотрудник прокуратуры Андрей Мельников просит старую приятельницу — частного детектива Татьяну Иванову довести дело до конца. Нужно вычислить не только преступника, но и подпольную киностудию, и бордель, в которые кто-то вербует местных девушек...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Дурацкая история

Глава 1

Офис уже опустел. Менеджеры ушли, охранник уткнулся в какой-то новый детектив, начальства не видать за массивной дверью – тишина. Оставались только кассирша да системный администратор Пашка, который обреченно уставился на экран монитора. Надо было скинуть в Москву по Интернету данные, а начальство в кабинете Сан Саныча пьянствовало, довольное жизнью, и плевать ему было на Пашкины проблемы, на его жену Светку, которой до смерти надоело дожидаться Пашку по вечерам. Она совершенно не понимала, что заставляет его торчать до одиннадцати в офисе каждый божий день, за такие-то деньги! А знала бы она побольше о здешних нравах – так просто лопнула бы от негодования!

Впрочем, понять ее можно: второй год видит мужа только ночью да по воскресеньям, а отпуск – в сладких снах.

Вот и сейчас: как ей объяснить, что данные в Москву не скидываются только потому, что ни Сан Санычу, ни Василь Николаичу не до этого? Если Светка права и человек пьет, когда ни на что другое у него воображения не хватает, то Пашкины боссы явно страдают полным отсутствием этого самого воображения.

По радио играла тихая музыка. В другое время можно было бы и послушать, но сейчас хотелось домой. Очень хотелось!

Пашка настолько погрузился в мечты о «sweet home», что не услышал, как скрипнула дверь.

– Добрый вечер, – раздался у него над ухом приятный женский голосок, прерывая невеселые размышления. – Мне нужен Василий Николаевич.

Пашка поднял глаза.

Перед ним стояла красotka. То, что Василь Николаич не прочь развлечься с путанами, секретом ни для кого не было, как и его привычка в рабочее время смотреть порносайты. Да почему и не попользоваться за счет фирмы?

Это с Пашки содрали стоимость двух пачек сигарет «Парламент», которые охранники стырили, а себе начальство ни в чем не отказывает.

Старая обида опять шевельнулась в душе, особенно когда он представил, как с витрины все тащат, кому не лень. Светка, наверное, права, называя Пашкиных директоров «жирными каплунами с гипертрофированным самомнением».

Светке-то что: она пишет себе женские романы и пишет. В ее фирме все по-другому. А он писать не умеет, у него голова приспособлена только с компьютерами разбираться...

– Василий Николаевич? – переспросил Пашка, разглядывая красавицу-путану. – Сейчас скажу...

Он нехотя поднялся.

Тащиться в кабинет к начальству не хотелось. Опять начнут приставать, чтобы выпил с ними. Им же мало одним напиваться и с бабами по столам голыми скакать – все должны принимать в этом посильное участие.

Но делать было нечего. Пашка постучал, услышал:

– Войдите...

Он толкнул дверь. Нет, понять эту красотку Пашка не мог! Неужели нет другого способа заработать? Как можно терпеть этих старых пьяных уродов?

– А, Паша... Хорошо, что зашел. – Сан Саныч радушно улыбался. – Выпьешь?

– Нет, – мотнул головой Пашка. – Сан Саныч, мне бы данные в Москву скинуть...

– Куда ты все торопишься? – укоризненно забормотал Сан Саныч. – Что тебе дома – медом, что ли, намазано? Не развлекайся никогда по-человечески. Девчонки наши на тебя обижаются, говорят, что от тебя никакого толку нет! Как ни спросишь – все тебе домой надо.

– А у него жена, – сообщил, задумчиво ковыряя в ухе, Василий Николаевич.

– У меня тоже жена. И ничего. Я с тобой сижу, а она дома. Так и надо по жизни...

– Так у тебя Галина тут работает, а его к нам идти не хочет.

– Тогда разводишься. Фирма, Паша, должна стать для тебя родным домом. Если твоя жена будет мешать, ты уж извини, вопрос поставим ребром. Она радуется, когда ты деньги приносишь?

Пашка промолчал. Светка зарабатывала в три раза больше, чем он.

– Бабы – они деньгам завсегда рады...

Кажется, для Сан Саныча все женщины были на манер его собственной супруги Галины и любовницы Люси.

– Тогда пусть все терпит.

Голова Сан Саныча то и дело бессильно падала на грудь.

– Ты тогда из-за нее москвичей по баням возить отказался. Вот мы и оскандалились...

Что, не потерпела бы? Особая, что ли, она у тебя?

Услышав про бани, Пашка вспомнил, зачем пришел.

– Там к вам молодая женщина, кстати.

Ему ужасно хотелось добавить: «только что из бани», но он сдержался.

С работой плохо. Уволят – фиг другую найдешь. А сидеть на Светкиной шее – уж увольте.

Хватит и того, что его зарплата – треть Светкиной.

Сан Саныч вскинул брови.

– Ко мне?

– К Василь Николаичу...

Сан Саныч хмыкнул, посмотрев на собутыльника.

– А... Понятно. Зови сюда. Поделишься, Василий?

Тот махнул рукой. Пашка посмотрел в его сторону и подумал, что Василь Николаич и со стула-то, пожалуй, подняться уже не может, не до секса ему.

Отчаявшись заинтересовать начальство делами, Пашка вышел из кабинета. Девушка все так же терпеливо ждала приглашения.

Она стояла, прислонясь к столу, и разглядывала стенд с сигаретами. Ее темные волосы свободно струились по плечам. Они были такие густые и блестящие, что Пашке стало их жалко: девчонка не стоила таких обалденных волос. Впрочем, в этой потаскушке поражали и прекрасные синие глаза, мечтательные и немного грустные, и точеная фигурка. «Господи, как жаль! – подумал Пашка. – Сейчас потные ладони похотливых пьяниц осквернят эту красоту!»

– Вас ждут, – сказал он девушке, тщетно пытаясь придать своей улыбке долю презрительности.

Она коротко кивнула и прошла в кабинет. Его деланное презрение ее явно не тронуло. А может быть, она слишком привыкла к этому, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

* * *

«Господи, какое все-таки тяжелое лето, – подумала я, вытирая со лба капельки пота. – То жара, то дожди, а теперь все смешалось, дышать нечем и терпеть придется еще не меньше месяца!»

Я только что вернулась из Италии и теперь потихоньку вновь привыкаю к климату и к родному домашнему хамству, в который раз удивляясь тому, что, непонятно почему, все-таки люблю свою страну.

Светку я узнала сразу, это было нетрудно. Она стояла в черном джинсовом костюме под дождем, без зонтика и, демонстративно не обращая внимания на такую мелочь, как дождь, ждала автобус. Я подъехала и распахнула дверцу. Сначала Светка меня не узнала. Она просто отодвинулась от моей машины – так, на всякий случай. Я рассмеялась.

– Галазова, я что, похожа на мужика с усами? Или ты подозреваешь меня в склонности к лесбиянству?

Светка радостно взвизгнула, услышав мой голос, и плюхнулась в «пежорожец».

– Иванова, – пробормотала она, восторженно разглядывая мою «девяточку», – я тоже такую хочу. Может быть, мне податься в детективы?

– Подавайся, – разрешила я. – Все равно ты мне не конкурентка. Ведь если мне в голову ударит начать писать романы, черта с два у меня получится. Каждому – свое, как сказал один китайский мудрец, когда у него на глазах японец сделал харакири. Слушай, мы сто лет не виделись! Пойдем ко мне, выпьем джина с тоником, как бывало в юности.

Светка задумалась, глядя на дорогу и шевеля губами. Ей явно хотелось выпить со мной, но, видимо, где-то ждал муж.

– Ох уж эти мужья, – вздохнула я. – Лучше прыгнуть с обрыва, чем позволить мужчине завладеть твоей жизнью. Ладно, – уныло проговорила я. – Все понятно без лишних слов. Семья, муж, грязные носки и скандалы, стоит тебе задержаться... Я же говорила, не надо выходить за него замуж. Даже если он спокойный и милый, как твой Пафнутий, не пройдет и года, как ты завоешь с тоски...

– Носки он стирает сам, – меланхолично отозвалась Светка, – и раньше одиннадцати с работы не приходит.

– Задерживается?

– Каждый день, – грустно махнула Светка рукой. – Если бы ты знала, Танька, как я устала от его дурацкой работы!

– Лапочка, но ведь он, наверное, неплохо зарабатывает, если приходит так поздно, – наивно предположила я.

Подруга смерила меня насмешливым взглядом.

– Тань, ты со своим частным бизнесом здорово оторвалась от действительности. Он получает всего тысячу.

– Баксов?

По моему разумению, ежели человек каждый день работает до ночи, он, естественно, должен получать баксы.

– Сейчас, держи карман шире, – проворчала Светка. – Японские йены и итальянские лиры... К тому же его постоянно штрафуют, так что можешь себе представить, сколько у него остается этих самых йен. Деревянных.

Я так удивилась, что затормозила довольно резко. Мирный «волгарь», который ехал сзади, чуть не врезался в нас.

– Что? – пробормотала я. – А почему бы ему не послать их на три буквы? Ему что, заняться нечем? Он же частником круче заработает! Хочешь, я ему учеников найду на компьютер? Или программы можно писать на заказ?

Светка пожала плечами.

– И где же он вас обоих изводит за такие гроши? – поинтересовалась я.

– Оптовая фирма «Прима-Д». По продаже сигарет.

Я вытаращилась на нее.

– Как?

– А что тебя это так удивляет?
Вот это подарок преподнесла мне судьба!
– И их главного зовут Василий Николаевич Гарнеев?
– Нет. Главного – Сан Саныч. А Василий – его зам.
– Без разницы, – пробормотала я, рассматривая Светку. Ах, детка, ты и представить себе не можешь, как тесен этот мир!
– А откуда ты их знаешь? – насторожилась она.
– Поехали все-таки ко мне. Дома все и расскажу за стаканчиком джина.
– Как хочешь...
Мы как раз подъехали к моему дому. Я задрала голову, чтобы убедиться: в окнах темно, стало быть, мой внезапный друг отчалил...
Ах да. Надо ведь все по порядку.

* * *

Пашка посмотрел на часы и выругался про себя. Достали его эти доморощенные калигулы...

Стрелка приблизилась к половине десятого. Хорошо, что Светка позвонила и попросила заехать за ней. Она встретила подругу.

Кассирша уже отвалила, он остался в офисе один, не считая пьяных начальников, двух охранников и этой дивы из борделя. В кабинете боссов царил тишина. Когда Пашка постучал, глухой голос отозвался:

– Что надо?
– Данные. В Москву.

За дверью помолчали, и опять тот же голос, – интересно, кто это из них упился до полной неузнаваемости? – произнес:

– Пошел домой!

От злости Пашка покраснел. Да уж, окажись на его месте Светка, она бы тут все в щепки разнесла!

Пашка как человек мирный сглотнул обиду. Черт с ними, наверное, девица обслуживает их по высшему классу...

Он развернулся и побрел к выходу.

Иванова, Светкина подруга, жила на другом конце города. Добираться до нее – час, не меньше.

На всякий случай Пашка набрал ее номер. Светка сразу схватила трубку.

– Пафнутий! – закричала она. – Ты едешь?
– Да, если ты еще там.
– Ох, здорово! Приезжай скорее, тут тако-о-е!
– Только не напивайся до чертиков, – попросил он.
– Глупый, – фыркнула Светка. – Приедешь, узнаешь все в подробностях.
– Я тебя люблю, – сказал Пашка.
– Я тебя тоже. А твоих начальничков я когда-нибудь убью.

Он кивнул. Он каждый вечер мечтал, что найдется когда-нибудь добряк, который это сделает.

* * *

– Приедет, – сообщила Светка, вешая трубку. – А ты обещала рассказать, зачем он тебе так нужен.

– Сначала пожалуйся на жизнь, – попросила я, втайне надеясь, что из ее жалоб извлеку что-нибудь полезное.

– А чего на нее жаловаться? Сиж, пишу про страстные любви. Сексуальные сцены, правда, совсем не получаются.

– У тебя что, плохо с этим?

– Нормально, – передернула плечами моя подруга. – Просто становится смешно, и я прекращаю.

Она хихикнула, отпивая глоток из бокальчика. Мы были уже достаточно пьяны, чтобы жизненные невзгоды отступили на второй план.

– Обидно только, что это дурацкое общество склонно больше уважать женщин, работающих не головой, а...

Она не договорила, рассматривая потолок с таким вниманием, что я не выдержала:

– Галазова! В моем присутствии можешь называть вещи своими именами!

– Да я все о сексе, – грустно сказала Светка. – Мы с тобой, Танька, шевелили мозгами, зарабатывая наши талеры, а в это время какая-нибудь куда менее красивая и умная дамочка вертит, заметь, совсем не мозгами, а... несколько иным местом. И это их «иное место» меня уже так достало, что я скоро кусаться начну.

– Экая мерзость, – скривилась я. – Представь, какое оно у них, и сплюнь.

Светка посмотрела на меня и захохотала. Смех у нее был заразительный, так что скоро мы обе уже стонали от хохота, забыв свои обиды на общество, которое еще не научилось уважать умных, сильных и самостоятельных женщин.

– Так что жаловаться я не буду, – продолжила, отсмеявшись, моя подруга. – Жаловаться на общество глупо. Ты сама в нем живешь, знаешь, какое оно у нас странноватое. Расскажи лучше, зачем тебе понадобился мой супруг... Кстати, интересно, увижу ли я его сегодня?

– Увидишь, не волнуйся. Ты же мечтала выйти замуж за капитана дальнего плавания. Вот господь и послал тебе такого «капитана». Приходит редко, сразу засыпает... Даже есть не просит.

– Все равно я убью его босса, – мрачно пообещала Светка. – Вот напишу гадкую книгу... – Она сама сморщилась, представив, насколько гадкой будет эта книга. – И там подробно расскажу, как долго его пытаются... Еще и смерть мучительную придумаю. Скажем, его оставляют в пустыне, в шубе, умирать от жары.

Она так увлеклась, что я даже испугалась: талант у Светки, безусловно, был, и смерти получались очень правдоподобные. Не приведи господи, услышат те, кто захочет воспользоваться ее рецептами! Я, если честно, и предположить не могла, что в моей подруге с кроткими голубыми глазами сидит такая зверюга!

– И лежит он себе, синенький, никому не нужный... На лысине выжжено клеймо «развратник», а возле рта запеклась кровь... – мечтательно излагала Светка. – Мухи выются над ним, а белые вонючие червячки копошатся в его внутренностях.

– Светка! – взмолилась я. – Прекрати! Меня же вырвет!

Она воззрилась на меня с искренним удивлением.

– Господи, Танька, тебе его жалко?

Я поспешила заверить ее в обратном, потому как в глазах моей подруги запылал мстительный огонь и я не на шутку перепугалась.

– Да нет. Просто эти твои вонючие белые червячки слишком уж осязаемо получились...

– Это хорошо, – удовлетворенно отозвалась Светка. – Ему понравится. Напишу книжку и подарю ему в красивой упаковке. Пусть насладится сполна, правда, я не уверена, умеет ли он читать?

– Чтение входило в обязательную школьную программу, – успокоила я ее.

– Но ему уже за сорок! Он же, наверное, не помнит! Я вот химию совсем не помню...

Слава богу, разговор о мрачном будущем распутника Василь Николаича перетек в школьные воспоминания, а потом Светка опять затормозила меня, добиваясь, зачем мне нужен ее Пашка.

Я уже поняла, что о темных делах босса своего супруга она ничего не знает, и надеялась только на самого Пашку.

Так как он все не появлялся, я согласилась рассказать Светке странную историю, которая произошла накануне.

– Понимаешь, позавчера я вернулась из Италии.

– Действительно, мрак, – согласилась Светка. – Не представляю, как можно вернуться из приличной страны в родные пампасы и не рехнуться. Я даже поэтому стараюсь не уезжать далеко.

– Естественно, я решила побыть дома одна, даже телефон отключила.

– А я-то гадала, почему он у тебя не отвечает...

– Светка! – закричала я.

– Все, больше не буду... Молчу!

– Так вот, сижу я, ни о чем плохом не думаю, адаптируюсь, как вдруг в мою дверь звонят. Я подхожу тихонечко и так, чтобы остаться незамеченной, смотрю в «глазок». Вижу Мельникова собственной персоной!

– О господи! – ужаснулась Светка. – Он опять у тебя выпил все пиво?

– Нет, хуже... Объясни мне: у них там, в уголовке, всегда про всех все знают, да?

– Конечно, – поспешила заверить меня Светка. – А уж Мельников-то тем более! Когда ты ему нужна, он становится экстрасенсом.

– Ладно, Светка! Не нужно умных слов! В общем, я была вынуждена открыть и впустить в свою мирную квартиру не только Мельникова, но и этого...

Я замялась. Как мне назвать мельниковского спутника? Светка терпеливо ждала.

– Этого...

– Мерзавца, – подсказала Светка.

– Нет, – поморщилась я. – Он не совсем мерзавец.

– Прохвоста?

– Тоже нет. Этого наглого типа, который... – Я вздохнула. И тихо призналась: – Который мне так понравился! И которого я так ненавижу!

Глава 2

В тот вечер я сидела перед телевизором и пыталась понять, что хочет выразить какой-то лысый господин от политики. И тут в мою дверь позвонили. С сожалением отставив чашку кофе, я выбралась из уютного кресла и отправилась открывать. Конечно, это был глубоко необдуманный поступок, и я сразу же в нем раскаялась.

На пороге стоял мой приятель, Мельников, с которым мы когда-то вместе начинали трудовую жизнь, но потом разошлись в разные стороны. Из-за его спины выглядывал этот тип. Длинные волосы были собраны у него на затылке и стянуты резинкой. В одном ухе болтались сразу две серьги. Тип был довольно привлекательный внешне, что сразу мне не понравилось. Личные отношения в мои планы не входили, а просто так смотреть на эту обаятельную рожу мне совсем не хотелось.

Увидев меня, тип присвистнул и сказал:

– Однако...

– Однако что? – поинтересовалась я.

– Танюша, как хорошо, что ты приехала! – сказал Мельников таким тоном, что я сразу приуныла. Ничего хорошего этот деловитый и озабоченный тон не предвещал.

Мельников прошел в комнату и уселся в кресло. Его спутник потоптался в передней и жалобно попросил:

– Андрей! Пожалуйста, хотя бы для приличия, представь меня этому очаровательному созданию!

Мельников озадаченно посмотрел по сторонам, пытаясь понять, кого он имеет в виду.

– Ах да, – сообразил он наконец. – Это Таня. А это – Саша из Интерпола.

– Откуда? – переспросила я. Только Интерпола мне еще не хватало!

– Из журнала, – успокоил меня Мельников. – Он журналист. Мы к тебе по очень важному делу. А пиво у тебя есть?

– Мельников, я согласна, что пиво – очень важное дело, – вздохнула я. – Но вот на данный момент оно у меня отсутствует. Могу предложить только кофе, и то – растворимый. Я не выходила из дома.

– Почему? – удивился Мельников.

– Потому что я адаптируюсь после посещения Италии. Пока родные просторы еще давят мне на мозги, порождая депрессию. Вот я и не решаюсь пока разгуливать по улицам.

– А нечего по Италиям разъезжать, – рассмеялся Мельников.

Я не собиралась обсуждать с ним свои личные проблемы, поэтому отправилась в кухню, вскипятила чайник и приготовила кофе. Почему-то на меня напало странное смирение: от судьбы, Иванова, ты не уйдешь. И раз уж тут появился Андрей Мельников, да еще и не один, остается только признать, что этот вечер больше тебе не принадлежит.

Если бы я знала, в какую заварушку меня втягивают, я бы выставила их за дверь, ей-богу! Но тогда я ничего еще не знала.

Поэтому, спокойно присев на краешек кресла, я спросила:

– Что такого произошло, что ты примчался сюда? И почему при нашей с тобой конфиденциальной встрече присутствует пресса?

– Сейчас все расскажу, – махнул рукой Мельников. – А Саша не посторонний. И не надо так смотреть, Танюшка! Тебе это не идет.

Я фыркнула в доказательство, что мне до этого нет никакого дела.

– Ну? – спросила я. – Мне долго ждать объяснения, зачем вы пожаловали?

Мельников так присосался к кофе, что еще минуту мне пришлось созерцать его затылок, а Саша развел руками.

– Понимаете, Танечка, мы договорились, что Андрей все расскажет вам сам, поскольку, на мой взгляд, история чрезвычайно дурацкая, я и буду рассказывать ее как дурацкую, а Андрей говорит, что ему хватит и вашей манеры самые серьезные вещи превращать в комедию.

– Мельников, ты и вправду считаешь, что я все превращаю в комедию? – сурово поинтересовалась я.

– Нет, Тань! Ты что?!

Он явно был во мне кровно заинтересован, судя по тому, что был готов согласиться со всем, что бы я ни сказала. Потребуя я признать, что пою, как Элла Фицджералд, он бы и то не стал спорить.

Интересно, зачем же я так ему нужна? Обычно он пытается, наоборот, скрыть от меня суровую действительность.

Он допил кофе, глотая его, будто прохладный лимонад, и сразу полез в карман пиджака. Пошарив там, достал пачку фотографий, выдернул оттуда две штуки и протянул мне.

– Вот.

Я взяла фотографии. Ну и что? Две смазливые девицы, физиономии которых не оставляли сомнений относительно рода их занятий. Одна – пышная блондинка со смазанным личиком, широким носом и роскошными волосами, вторая являла собой классический восточный тип – этакая брюнетка с орлиным носом и чувственным ртом.

– Это твои подружки? – поинтересовалась я, возвращая фотографии. – А Ирка знает об их существовании?

Мельников дернулся и сурово посмотрел на меня.

– Какие подружки? Ты в своем уме? Я похож на посетителя бань и ночного клуба?

– Кто тебя знает? – протянула я. – Люди меняются. К тому же я ведь не знаю, чем зарабатывают на жизнь эти милые девушки... Может быть, они цветочницы? Или продают косметику?

– Нет. Они занимаются вот чем. – И Мельников протянул мне другие фотографии. – Вернее сказать, занимались. Потому что сейчас они уже ничем не занимаются. Их убили.

Ох, как многозначительно он это сказал, мамочки! Я совершенно некстати хмыкнула.

– Могу тебя заверить, что это не моих рук дело. Я была в Италии, так что у меня стойкое алиби. К тому же я их не знала, да и вообще не склонна убивать дамочек, даже если они предпочитают такой стиль лайф.

Мельниковский спутник улыбался, рассматривая меня уже совершенно бесцеремонно. Под его взглядом я чувствовала себя как в бушующем океане, где вот-вот волны сорвут с меня купальник. Мне ужасно хотелось показать ему язык, я просто еле сдерживалась.

– Таня, дело очень серьезное! И мне нужна твоя помощь.

– Не ваше ли УВД запрещает нам заниматься криминалом, лапочка? Какого черта бежать к частному сыщику, если ты не хуже меня знаешь, что моя сфера – разводы, охрана чести владельцев фирм, от которых жены бегают налево, иногда – промышленный шпионаж, но не насильственная смерть! Так что я заранее отказываюсь. Ты не хочешь неприятностей – я тоже...

– Таня, мне ты можешь все это не рассказывать!

– Не буду, – согласилась я. – Только я алчная натура. Я очень редко работаю за «спасибо». Особенно для родной прокуратуры. Я на нее очень обиделась и не хочу дарить свое время и силы вашему боссу, который не платит вам зарплату, заставляет пахать по ночам и без отпусков, а сам не вылезает с Канарских островов. У меня еще сохранилось острое чувство социальной несправедливости. Сам пусть ищет убийц, а то потеряет квалификацию. Случись что – работу не найдет и медленно умрет с голоду.

Мельников обиженно посмотрел на меня и промолчал.

– Клиент будет, – неожиданно подал голос из своего угла представитель Интерпола. – Расшибусь, но найду вам клиента.

– Обрадовал! Вы что, оба думаете, что я нуждаюсь в клиентах?

– Нет, Татьяна Александровна, так получилось, что мы нуждаемся в вас. Дело-то очень тонкое, а вы знаете всех нуворишей...

Я задохнулась от злости. Это за кого же меня эти юноши принимают?

– Мельников, – тихо проговорила я. – Ты меня, кажется, причислил к нашим «новым русским», да? Может быть, ты еще начнешь меня сравнивать с их женами, которые маются от безделья? Я работаю, в том числе и на мужей этих дамочек. Но из этого вовсе не следует, что я питаю симпатии к ним.

– Таня! Об этом никто и не говорит! Но ты же вхожа в эти круги, а мы нет!

– Так войдите, – пожала я плечами. – За чем дело стало?

– Ладно, проехали, – махнул рукой расстроенный Андрюшка. – Проконсультируй нас хотя бы относительно вот этого гражданина...

Он положил поверх фотографий еще одну.

Я бегло взглянула и не удержалась от возгласа удивления:

– Что?!

Если меня можно было удивить, то они это сделали. На фотографии я увидела обезображенное лицо очень хорошо знакомого мне человека.

Натана Зелинского в Тарасове знали практически все, кто хоть раз сталкивался с нашим торгово-криминальным миром.

И вот он был мертв.

* * *

– Я должна объяснить тебе, почему меня это повергло в такое замешательство, – прервала я свой рассказ и взглянула на Светку, которая сидела, подавшись вперед. – Поскольку ты с акулами никогда не общалась, придется мне тебя просветить. Про Зелинского можно было сказать, что он умен, как дьявол, хитер, как дьявол, богат, как дьявол, и, на мой взгляд, так же мерзок, как дьявол. Я бы еще прибавила, что он труслив, как дьявол, но я не знаю, был ли дьявол труслив...

Зелинский был самый богатый человек в городе Тарасове, и я подозреваю, что он уже давно был самый богатый и в мире. Лет ему около шестидесяти, и никто не знает, чем он занимался до «перестройки». Мне почему-то кажется, что свой первичный капитал он сколачивал, пользуясь имуществом людей, которые исчезали в тюрьмах и лагерях. Наверное, кому-то больше известно о его прошлом, иначе откуда бы к нему прилепилась кличка Серый Кардинал?

Кстати, по паспорту он Николай. Натаном он стал совсем недавно, что тоже интересно. То, что нашелся человек, который смог его убить, меня настолько потрясло, что я долго вертела фотографию, пытаясь найти подвох. Может быть, это подделка, а настоящий Натан Игнатьевич давно сдернул на Мальорку? Но меня быстро убедили, что он действительно мертв, и я ошарашенно переводила взгляд с одного на другого своего собеседника.. Так я долго это делала, что они решили, будто я была к нему равнодушна и теперь ужасно переживаю его безвременную кончину. Если бы ты знала этого ужасного типа, ты поняла бы, как я была потрясена!

– Да знала я его, – махнула рукой Светка. – Оченно мерзкая личность. Я лично думаю, что за ним явился Хозяин.

– Кто? – не поняла я.

– Хо-зя-ин. Сатана.

Светка вытаращила на меня глаза и продолжила загробным голосом:

– Он сидел как-то раз вечером и считал золотые дукаты... Вдруг налетел ветер, задул свечу, и в дверном проеме появилась черная тень... «Кто ты?» – в ужасе спросил Зелинский, пытаясь спрятать за спиной золотые дукаты. «Я твой дедушка!» – сказал отвратительный монстр. «А почему у тебя такие большие зубы?» – поинтересовался Зелинский. Монстрила набросился на несчастного и вонзил в него острые клыки. Вот так все было, и незачем мучиться поисками неведомого убийцы!

– Ох, Светка! Перестань дурачиться, – взмолилась я. – Ситуация и так дурацкая. И я в нее теперь окончательно вляпалась. Потому что...

Договаривать я не стала. Зная буйную Светкину фантазию, я представила, как завтра на прилавках появляется трогательная история о частном детективе, похожем как две капли на меня, влюбленном в...

Но глаза у него действительно потрясающие!

– Пришла пора, она влюбилась. Его глаза затмили ей весь свет, – нахально вещала моя подруга, размахивая чашкой. – Он был бандит, она сыскарка... И грустная ж поэма, как сказал поэт! Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Татьяне и...

– Кто я была? – возмутилась я. – Хорошо, хоть не свинарка.

– Иванова, можно я это напишу? Представляешь, как трогательно: ты влюбилась в бандюгу. Кстати, на книжном рынке это сейчас очень даже неплохо проходит.

– Да он не бандюга!

– Ага, значит, влюбилась... На старости-то лет, как не стыдно? Нам с тобой уже о вечности подумать пора, в монастырь сходить, грехи замолить, а ты – влюбляться!

– Вот если бы ты сама с ним пообщалась, я бы на тебя посмотрела! – злобно процедила я сквозь зубы.

– Бог миловал. Мне Пафнутия хватает по уши.

– Ты опошлилась, – возмутилась я. – Вот к чему приводит описание постельных сцен, Галазова!

– Увы, признаю. Так что там было дальше? Ты влюбилась, Мельников увлекся пивом, а про несчастных убиенных девушек и Зелинского все забыли? И какое ко всему этому имеет отношение мой супруг? Ты подозреваешь его в том, что он все это и сделал?

– Нет, – сказала я.

– Какая жалость! – искренно огорчилась Светка. – Я-то уж подумала, что не все потеряно. Что он не сидит, как дурак, на работе, а занимается темными делишками!

– Эх размячалась! Он даже в число подозреваемых не входит.

– А может, включишь? По благу? – закончила Светка. – Знаешь, так скучно жить без потрясений и катаклизмов. Ну пусть он будет хотя бы восьмым подозреваемым!

– Ты будешь слушать, или мы будем трепаться ни о чем? – возмутилась я.

– Все, молчу и внемлю.

Долго ли она будет молчать и внимать, я не знала, но на многое не рассчитывала. Поэтому дальше я вела рассказ в стремительном темпе, не вдаваясь в детали.

* * *

Я довольно долго переваривала полученную информацию, потом недоуменно посмотрела на моих незваных гостей и спросила наконец:

– И кто же смог это сотворить?

– Если бы мы это знали, к тебе бы не пришли, – улыбнулся нахал Мельников. – Одно ясно: этот кто-то очень сию компанию не любит.

– Все понимаю, кроме одного. – Я ткнула пальцем в стопку фотографий. – Почему ты мне представил сразу весь этот «бомонд»? Их нашли в одной квартире?

– Нет, – покачал он головой. – Но общее у них есть. До этого мы еще дойдем, если ты согласишься меня внимательно выслушать и захочешь помочь.

– Уже решила. Не хочу. Мой тебе совет – повесь это дело на Ясера Арафата. Или на «черные рубашонки». А еще лучше – найди парня в черной рубашке и с клетчатой банданой на голове. Не ошибешься... Не хочу связываться с такой крутой мафией.

Я швырнула снимки на стол и закурила, показывая всем своим видом, что решение мое обжалованию не подлежит.

– Иванова, ты стала трусихой? – осведомился Мельников с неприятной улыбкой.

Я в ответ только мрачно усмехнулась и дернула плечом. Пусть думает, что хочет, но мое сумасбродство имеет четко очерченные границы. Я, в конце концов, не сумасшедшая!

– Можно задать тебе один вопрос? – нарушила я затянувшееся молчание. – А почему, собственно, ты-то примчался ко мне, а не занимаешься сам таким выгодным делом?

– Потому что у меня табу, – развел руками Мельников. – Табу сверху, очень суровое. А прищучить эту компанию очень хочется... Ты в отличие от меня ничем не связана. Кошка, которая гуляет сама по себе. Даже не обязана давать отчет в своих действиях.

Я задумалась, это-то меня и погубило. Пока я думала, я почему-то все глупела и все больше этой галиматией заинтересовывалась. Погубит меня когда-нибудь любопытство, как жадность фраера, это точно.

– Ладно, рассказывай, – сказала я Мельникову, втайне надеясь, что мой здравый смысл все-таки не даст склонить меня к опрометчивым поступкам. – Только я тебе ничего не обещаю, запомни...

Он счастливо и победно улыбнулся.

– Так вот, общее у этих дамочек и Зеленского то, что при обыске в их квартирах обнаружили весьма интересные вещи. Догадайся какие?

– Наркота и оружие, – брякнула я.

Мельников удивленно вытаращился на меня и спросил:

– И как ты догадалась?

* * *

Здесь мне пришлось прерваться. В дверь позвонили. Светка подскочила, всплеснув руками, и закричала:

– Надо же! На самом интересном месте!

Я пошла открывать и впустила Светкиного длинного супруга в кепочке. Супруг посмотрел на Светку с безграничным обожанием, но эта неблагодарная фурия проворчала:

– Я тебя жду уже сто лет! Ты когда-нибудь начнешь интересоваться не только своей дурацкой работой, но и мной?

Он выслушал это с потрясающим спокойствием и продолжал улыбаться, пока я варила кофе.

За мое короткое отсутствие они успели не только наулыбаться друг другу, но и поцеловаться. Когда я появилась на пороге, они буквально разбежались по углам.

– Так что у вас произошло? – поинтересовался покрасневший Пафнутий.

– Таня рассказывает, как ты подкинул оружие и наркотики бандюге и проституткам, – объяснила Светка. – Давай сразу признаемся, чтобы облегчить нашу участь. Или будем скрываться? Так интереснее... Можно, как Ленин, дунуть прямиком в Женеву и там затаиться, пока Танька не забудет, как мы выглядим.

– Раз ты хочешь, давай скрываться, – согласился Пашка. – Все для тебя, любимая!

Нет, надо же было мне наткнуться на пару детей! Да еще и влюбленных!

– Либо вы будете слушать серьезно, либо я умолкаю – и вы вовеки не узнаете, при чем тут ваш Василий Николаич.

Оба мгновенно развернулись ко мне.

– Кто? – переспросила Светка. – Он тоже подбрасывает наркотики? Фу! как-то это неsolidно, право!

– Светка! – прорычала я. – Ты можешь вообще говорить серьезно?

– Конечно! Я могу даже поговорить о продукциальных иллюзиях в неофрейдистской концепции, только это так скучно!

– Черт возьми! – подскочила я. – Или вы слушаете меня, или я жалею, что обратилась к вам за помощью!

– Мы слушаем, слушаем! – закричала Светка. – Честное слово, больше слова не скажу! Ну, Танечка...

– Ладно, – махнула я рукой. – Все равно тебя надолго не хватит. Как тебя Пафнутий выносит, ума не приложу?

– Исключительно вперед ногами, – не удержалась Светка, но, заметив мой недобрый взгляд, пробормотала, что она молчит, как камень.

Наконец я могла продолжать свой рассказ и, главное, объяснить им, почему меня заинтересовал босс.

Глава 3

Услышав про оружие и наркотики, я застыла, открыв рот.

– Мельников, – выговорила я, когда наконец пришла в себя, – ты в своем уме? Я совершенно не хочу ввязываться в это дело.

– Ладно, – миролюбиво проговорил он. – Мы пошутили. Там были только наркотики.

– Все равно не хочу, – заупрямилась я. – В конце концов, ты же сам можешь справиться.

Эта история совершенно перестала меня интересовать. Я лениво рассматривала фотографии, любуясь обнаженными задницами и прикидывая, сколько эти фифочки зарабатывают за одну такую съемку. И Мельников к ним не пристаёт...

– Не могу!

Он вскочил со стула.

– Ты понимаешь, что у нас за контора?

– По-ни-ма-ю.

– Сначала они были довольны – еще бы, мы ведь классный бордельчик накрыли! Этот Зелинский, оказывается, на порнофильмах такую отмывку делал, что с ума сойти! Только примочка в том, что мы эту студию чертову никак не вычислим! Специалисты руками разводят. У нас, говорят, это невозможно. Ни на телевидении, ни на киностудии такой аппаратуры нет! Ты представляешь? Мы за это дело даже премию ожидали. А как вышли на этого типа, тут-то нас и притормозили! Кого хочешь трогай, только не Васю! Из самого ФСБ позвонили, чтобы мы подальше держались.

– Ну и что? – Я затянулась сигаретой. – Тебе так жаль Зелинского? Что-то мне неохота возиться с этими девицами. В конце концов, хотят голыми сниматься – флаг им в руки, я-то при чем? Не маленькие, должны знать, что за удовольствия надо платить.

Мельников все это выслушал с ангельским терпением, а его спутник все это время загадочно молчал и рассматривал меня с таким интересом, что я себя чувствовала почти раздетой. Наверное, именно из-за моего идиотского самолюбия я и сдалась: вздохнула и небрежно так изрекла:

– Ладно, можешь досказать мне эту сказочку из жизни отечественной мафии... Только все-таки не слишком на меня рассчитывай!

Мельников меня знал прекрасно. Он облегченно вздохнул.

– В общем, дело тут, похоже, Тань, в нефтяной войне.

– В чем? – переспросила я, вытаращив глаза. – Это в Тарасове-то?

– Вот смотри сама: зачем этому торговому монстриле оружие? А сейчас идет крутой раздел сфер влияния. Сама знаешь, что такое нефть. Только тронь эту компанию, сразу все взорвется к чертям. И «крыши» бандитские, и чеченцы, и еще кто-то из-за бугра налетит. Я так считаю: страну уже всю разворовали, только нефть и осталась.

– Мельников, – взмолилась я. – Ты мне тут вывалил фотки девиц, порнуху, наконец, убитого Зелинского, но при чем тут нефть? Ну ладно наркотики – они тут вписываются, а вот с нефтью как-то не получается! Прокол, дорогой!

Он нетерпеливо поморщился.

– Ты читала истории про нефтяных магнатов?

– Нет, – призналась я. – Мне что, почитать больше не о чем?

– Большинство из них выходит прямо из «андеграунда». То есть входят в «общак». Правда, звонить об этом нам не дозволяется, но... И начинают они все с торговли. Сначала мирно торгуют цветочками и огурцами, потом переходят на косметику и сигареты, а когда капиталы разрастаются до определенной величины, покупают бензоколонку.

– Мне по фигу, – призналась я. – Пусть покупают. Правда, цены на бензин растут не по дням, а по часам, но это вообще отличительная черта нашего государства. Не может оно позволить мне стать богатым человеком. То ли боится, что у меня от богатства характер испортится, то ли просто из вредности... Я бы и сама с удовольствием включилась в нефтяной передел, но сердце подсказывает, что я уже опоздала.

Мельников почему-то очень разозлился и сказал, что или я его внимательно слушаю, или он умолкает и предоставляет мне философствовать на тему «Т. Иванова и государство: сложные взаимоотношения». Гость фыркнул, а я сказала, что предпочитаю слушать дальше. Все равно: философствуй, не философствуй, а государство наверняка победит.

– Так вот, – продолжил Мельников. – Как ты понимаешь, все началось с тупа вот этой блондинки. Позвонила ее соседка и сказала, что она ужасно беспокоится, потому что Ольга Васильевна Лебедева не появляется третий день. Уехать она не могла, поскольку три дня назад никуда не собиралась и даже успела этой самой соседке нахамить.

Вечером к Ольге поднимался седовласый господин, который ничего о себе не сообщил, но сказал, что очень удивлен и обеспокоен. По его словам, Ольги не было на работе. Официально путаночка числилась менеджером в торговой фирме, а фирма принадлежала, естественно, Зелинскому. Странно, что он сам решился посетить ее. Что это был именно он – я почти уверен. Соседка – дамочка любопытная, она не поленилась пронаблюдать, как господин уселся в бронированный кабриолет. По ее описанию, это «Сабурбан».

Я присвистнула.

– Сама понимаешь, такая крутенькая машинка могла быть только у Зелинского... Тебя сама абсурдность ситуации не напрягает?

– Может, Оля была его личным персоналом? – предположила я.

– В любом случае Зелинского могло вытащить из берлоги только одно: опасность. Но слушай дальше. Вызванный соседкой наряд милиции обнаружил на кровати Ольгу Васильевну в халатике, навечно уснувшую и со следами асфиксии. Зрелище, конечно, не для юных ментов: одного сразу стошнило, а второй ошалел и начал накручивать телефон, чтобы вызвать «Скорую». Они же оба только из школы, понимаешь, Иванова...

– Как не понять!

– Соседка показала, что в течение трех дней никто Олю не посещал, а вот вечером она слышала голоса. Голосов было два, один самой Ольги – ей показалось, что Ольга очень веселая и смеется, а второй принадлежал то ли мужику с высоким голосом, то ли женщине – с низким. Мы пришли к выводу, что это был все-таки мужчина. Время позднее, скорее всего это мог быть клиент.

– Не обязательно, – влезла я. – Может, она вовсе и не занималась клиентами. Сниматься в порнофильмах еще не значит быть путаной... Впрочем, продолжай. У нее мог быть постоянный друг, скажем.

– Так вот, дело это скинули нам, и мы столкнулись с весьма интересной находкой... Представь себе квартиру с евроремонтом, типичную такую до оскомины, а вот в углу этой невинной квартиры я совершенно случайно обнаружил тайник. Прислонился к стене, рассматривая пятна крови. Ольгу ударили чем-то именно в этом углу, а потом перетащили на кровать и задушили. Вдруг стена начала отодвигаться. То есть это была пластиковая загородка, а между ней и настоящей стеной я увидел такое, что у меня челюсть отвисла! Если бы кто-нибудь мог тогда мне объяснить, зачем проститутке бомбы и гранаты, я был бы ему благодарен по гроб жизни!

– А говорил, что пошутили! Значит, было-таки оружие...

– Было. И это, Танечка, явно говорит, что «нефтяная война» уже добралась и до Тарасова.

– Ну, наличие оружия в квартире скромной путаны ничего такого не говорит, – сказала я. – Ольга могла быть связана с чеченцами.

– Но там не видели чеченцев! Там видели человека, который очень напоминал господина Зелинского!

– Значит, можно привязать к чеченцам и самого Зелинского. И пусть с этим делом ФСБ мучается.

– Так они не хотят! Сначала все было хорошо, они просто нарадоваться не могли на это дельце, поскольку господин Зелинский человек был тихий, но уж очень всех напрягал!

– Слишком тихий, а в слишком тихом омуте обычно водятся слишком большие черти...

– Так вот, через три дня мы находим еще одну дамочку, и у нее точно такой же заветный уголок! На этот раз это черноволосая казашка. Ее сосед прогуливал собачку и видел своего хорошего знакомого, с которым вместе учился в школе. Он и назвал нам некоего Гарнеева Василия Николаевича. Тут-то мы и получили по носу. Мы сдуру все это выложили фээсбэшникам, а они приуныли и сказали, что это тупик, что «наверху» это дело прикроют. И оказались правы. На следующее утро нам позвонили и сказали, чтобы мы исчезли из поля зрения. Впрямую это означало одно: работайте, но в полной тишине. И не пытайтесь копать слишком глубоко. Что мы и делали до позавчерашнего дня.

– А что случилось позавчера?

– Позавчера, – вздохнул Мельников. – Позавчера убили Натана Зелинского. А вчера появился Александр Михайлович и предложил свою помощь. То есть он ведет по этому делу журналистское расследование, но ему нужен напарник. Тут я и вспомнил про тебя.

– Спасибо, – буркнула я. – Ты отчего-то всегда про меня вспоминаешь, когда случается какая-нибудь гадость. Я без гонораара работать отказываюсь.

– Танька! Это же преступление против страны, ты не понимаешь?

– Твоя страна только и делает, что совершает преступления против меня, – огрызнулась я. – Так что не дави на мой патриотизм. Он распространяется только на здешнюю природу. Что до остального – я мелочна и озлобленна.

– Таня, ты просто сейчас устала и не хочешь ввязываться! А завтра...

– Вот и поговорим завтра, – решила я. – А сегодня давай говорить о чем-нибудь более приятном. Только сразу тебя предупреждаю: без клиента я работать не стану. В конце концов, убиты путаны и бонза. С наличностью у них, я думаю, все в порядке, так что я благотворительностью заниматься не собираюсь.

– Я найду вам клиента, – сказал Александр. – Можете не сомневаться.

Я взглянула в его сторону. Кажется, я немного переборщила, изображая рассвирепевшую мегеру. Потому что он мне, черт его побери, нравился. И мне до безумия хотелось ему понравиться. Может быть, именно поэтому я вела себя как последняя стерва?

Терпеть не могу, когда я вдруг превращаюсь в наивную девчонку, которая готова запасть на такого вот красавчика!

* * *

– Вот такая история дурацкая, – закончила я свой рассказ. Сообщать, что, когда Мельников наконец удалился, красавец Сашенька остался, я не стала. Вместо того чтобы осыпать меня ласками и поцелуями, он всю ночь посвящал меня в подробности своего расследования дурацкой «нефтяной войны». К чести его, очень скоро я все-таки заинтересовалась его рассказом.

Светка сидела с горящими глазами. Стоило мне поставить точку, она заорала:

– Well! Значит, наш Гарнир хлопнул проститутку и замешан в этой самой войнушке? И мы должны его выследить и взять с поличным?

– Подожди, – остановила я ее. – Понимаешь, он мог всего и не знать. Хватит того, что он замешан в съемках порнушных фильмов. Он сам бывший гэбист, вот его в порядке «братской» помощи и ограждают.

– Но следить все равно надо, – заявила неподкупная Светка. – Пафнутий не сможет, он заметный. Это буду делать я. Я согласна на бескорыстное служение Отчизне, лишь бы напако-стить Гарниру!

– Светка, уймись, – попросила я. – Я жалею, что все это тебе рассказала. Ты мне не нужна. Мне как раз нужен твой муж, потому что он может что-нибудь знать об этом самом Гарнееве.

– Если ты меня не берешь в дело, я тебе его не дам, – заявила моя нахальная подружка. – Это нечестно. Я всю жизнь мечтала поиграть в детектива!

– Да какой из тебя детектив! – не выдержала я. – Тебя же на другом конце проспекта видно!

– Ага, – усмехнулась вредная девица. – А ты у нас такая серая мышка, прямо теряешься в толпе. Я всю жизнь подозревала, что ты просто завидуешь моей несравненной красоте...

– Я просто умею перевоплощаться и становиться невидимой, а ты нет.

Светка обиженно засопела и молчала ровно пять минут. Потом вскочила:

– Ну, погодите! – И исчезла в соседней комнате.

– Ничего, сейчас отойдет, – меланхолично заметил Пафнутий. – Она всегда так – вспыхивает, как бикфордов шнур, а потом поразмышляет и успокоится.

– Пока ее нет, хоть поговорить можно серьезно, – вздохнула я.

– Да я ничего не знаю. Проститутки? Да. Бывали. Но этих, с фотографий, я если и видел, то не помню.

– А Зелинский?

Знакомство наших двух «vip» беспокоило меня куда сильнее, чем посещения девиц.

– Нет, – подумав, сказал Пашка. – Я этого парня там никогда не замечал. Сама понимаешь, если бы он заявился, вряд ли бы это осталось незамеченным.

Я кивнула, хотя и была разочарована.

В этот момент дверь широко распахнулась, и на пороге появилась толстая тетка в моем старом цветастом халате. Тетка была не похожа на Светку только габаритами и черненькими кудряшками, собранными в пучок на затылке. На носу у нее красовались черные очки, которые моя ненормальная подруга извлекла из моих тайников.

– Ну? – грозно спросила тетка. – Как я вам?

Пашка смотрел на нее совершенно дикими глазами, открыв рот, а я давилась от смеха.

– Вы кто, тетенька? – пробормотала я.

– Авдотья Федотовна Зырянская, – Светка плюхнулась в кресло, поддерживая подушки, которые вываливались из-под халата. – Самовольный и самопальный детектив-любитель.

«Господи, – подумала я. – И что мне делать с этой дурехой?»

– Ладно, Авдотья, – решила я. – Если ты даешь слово не высовываться и во всем меня слушаться, я подумаю над твоим предложением посильной помощи. Только учти, что образ толстой дамочки немного рискован.

– Думаешь, Гарнир не устоит и я паду жертвой насилия?

– Нет, просто в самый неподходящий момент из тебя могут посыпаться подушки...

Глава 4

На следующее утро я проснулась с дикой головной болью и к тому же крайне недовольная собственной персоной. Если с головной болью мне помогли справиться таблетка и запах закипавшего кофе, то против полного недовольства собой лекарство найти было труднее. За два дня я умудрилась наделать массу глупостей.

Посему я сидела мрачно, уставясь в чашку с кофе, и размышляла, какого черта я сразу не сказала твердо «нет» и зачем я ввязала в эту темную историю своих абсолютно невинных друзей? Решив, что я это сделала исключительно потому, что сходить с ума в одиночку скучно, я окончательно себя возненавидела и решила, что если я погибну, сраженная пулей или гранатой из арсенала местных проституток, это будет только справедливо. «Так и надо этому Петрову», как говорила жена Петрова, рассматривая себя в зеркале. Отпив глоток кофе, я почувствовала, что становлюсь к себе более снисходительна. Вполне вероятно, что я еще и выживу. К тому же я могу набрать номер Мельникова и сказать ему, что я страшно занята. А так как я им уже заявила, что без гонорара работать не буду, а клиента мне вряд ли найдут, я преспокойно могу дать всем своим добровольным соратникам отбой, а чтобы они не слишком злились, отправиться в Адымчар.

От этих мыслей мне стало так легко, что я решила все-таки почитать те газетки, которые мне любезно оставил Александр. Из них можно было узнать кое-что о пресловутой «нефтяной войне». Собственно, сама эта война меня теперь уже не интересовала, так как я все для себя решила. Для порядка, впрочем, я решила узнать мнение судьбоносных костей и достала кисет.

Зря я это сделала. То ли у моих косточек сегодня тоже был конфликт с окружающим миром, то ли просто они не так легли, как надо, но ответ был неутешительный: 26+11+1. «Вам придется иметь дело с неприятными людьми».

Если делать ударение на слове «придется», получается прямой приказ, что ли? Вот придется тебе, Иванова, лезть в эту яму с нефтью и проститутками, и все тут!

– А я за границу удеру, – пообещала я. – Ровно на месяц. Соберу оставшуюся наличность и исчезну. Что, съели?

По радио допел Крис Айзек, явно приветствуя мою идею. Женский голос сообщил, что в Москве сейчас одиннадцать часов, и начал рассказывать новости.

– Скандал в американском банке с представителями русской мафии продолжается, – сообщила мне радиодевушка. – Некоторых деятелей нашего правительства обвиняют в том, что они отмывают деньги мафии через МВФ.

Далее следовали фамилии новых «героев», и я сплюнула. Нет мне спасения! От родной мафии и в Америке не скроешься.

Твердо решив не сдаваться, я углубилась в чтение. Хитрая и толстая физиономия жертвы «нефтяной войны», о которой рассказывалось в статье, мне сразу не понравилась. Правда, и тот, кто позаботился отправить его раньше времени на тот свет, тоже не блистал чрезмерным обаянием. Дело происходило в далеком Питере, и я подумала, что уж если там идут бои за эту самую нефть, то нам сам господь велел: у нас-то нефть под боком, можно сказать. Тарасову вообще повезло – все рядом: и наркотики, и нефть. Наверное, поэтому нам упорно твердят, что мы столица Поволжья!

Кстати... А ведь вторая девушка звалась Динарой Акбараевой и она была казашкой?

Отложи, Танечка, газетку про питерскую войну... Что-то все это становится интересным.

Я начала погружаться в мыслительный процесс, все еще пытаюсь сопротивляться, поэтому звонок в дверь показался мне спасительной соломинкой.

– Господи, пусть это будет примитивный клиент, который захочет, чтобы я шпионила за его непутевой супругой! – взмолилась я. – Тогда я смогу отказать Мельникову спокойно, с чистой совестью!

Я открыла и сразу поняла – мое положение совершенно безнадежно.

На пороге стоял Александр, а из-за его плеча выглядывал коротко стриженный крутолобый парень. Он смотрел на меня подозрительно и испуганно одновременно.

– Танечка, это Алексей Сергеевич Лебедев. Твой клиент...

* * *

Пока он говорил, я разглядывала этого человека. Кости-то оказались правы! У меня даже забрезжила слабая надежда, что Алексей Сергеевич Лебедев и есть тот неприятный человек, с которым я буду вынуждена сейчас пообщаться.

Юноша был коренастый, плотный, очень широкоплечий, с короткой шеей и на удивление большой круглой головой. Волосы у него были редкие и светлые, впрочем, как и ресницы. А глаза – круглые голубые, и эти глаза смотрели на меня сейчас с таким тупым неодобрением, что мне сразу захотелось развернуться и сообщить, что я не очень-то горю желанием заниматься его делами.

Его черную рубашку прихватывал у горла неумело завязанный пестрый галстук. Мешковатые брюки и тяжелые черные ботинки с тупыми носами довершали его туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.